

ГЛАВА 1

«Ким, сынок! Тебе одиннадцать лет, ты совсем взрослый. И я хочу, чтобы ты знал, как сражаются наши солдаты, как они защищают свою землю, свой народ от фашистской нечисти. Ты вырастешь, закончится война, но в памяти советских людей слово Сталинград навсегда останется символом мужества, стойкости и безмерной любви к своей Родине. Я буду в каждом письме рассказывать, сынок, о подвигах наших солдат, а ты рассказывай своим друзьям в школе, во дворе. Мальчишки должны знать, как сражаются их отцы и братья на фронте.

Вчера в передовом окопе тяжело ранило красноармейца Поддубного. Но он, превозмогая боль, продолжал наблюдать за противником. Фашисты, перегруппировавшись, хотели скрытно прорваться к нашему левому флангу.

Надо было срочно сообщить замысел врага командиру, но Поддубный не мог двигаться. Как быть?

Напрягая все силы, он с большим трудом дополз до соседнего окопа, где сидел боец. Направив его с донесением к командиру, Поддубный остался один. Немцы приближались. Раненый герой решил остановить врага. Ненависть к фашистам влила в него силы. Поддубный поднялся из окопа и одну за другой метнул в фашистов две гранаты. Четырех гитлеровцев разнесло на клочки. Остальных бандитов встретили и уничтожили вовремя предупреденные советские воины»¹.

Потерявший более 70% личного состава и боевой техники 24-й танковый корпус вывели для пополнения и оставили в резерве. Лейтенант Соколов, которого утвердили командиром роты средних танков, с завистью слушал о том, как дерутся его товарищи в Сталинграде, как идет операция по окружению германской 6-й армии. «А что я рас-

¹ Из материалов военных корреспондентов газеты «Сталинградская правда» за 1942 год.

скажу после войны? — думал молодой танкист. — Был рядом со Сталинградом, но так и не участвовал в битве за город?»

Но как командир Алексей все же понимал необходимость такой передышки для корпуса. Измотанные в боях танкисты засыпали прямо за рычагами, техника была в ужасном состоянии, почти все танки требовали ремонта. А еще, начиная с июня 1941 года, Соколов не встречал частей, полностью укомплектованных людьми и техникой по штату военного времени. Но теперь он сам командовал танковой ротой, в которой имелось 17 танков, включая и его командирскую машину, и танки командиров взводов.

Передышка была не только отдыхом, она максимально использовалась для обучения личного состава, младших и средних командиров. Особое внимание уделялось взаимодействию в бою подразделений: танковых, стрелковых, артиллерийских. И сам Алексей, восстанавливая в памяти все, чему его учили в танковой школе, используя весь опыт, который он получил за эти полтора года войны, учил своих танкистов. Помогали ему в этом и механик-водитель командирского танка Се-

мен Михайлович Бабенко, и командир башни наводчик Василий Иванович Логунов.

Бывший инженер-испытатель Харьковско-го танкового завода Бабенко оказался прекрасным педагогом. Он учил механиков-водителей роты не только тонкостям владения боевой техникой, но и правильному уходу за ней. А в боевых условиях повышение технического ресурса танка даже на несколько часов, порой могло спасти жизнь экипажу и, что важнее всего, выполнить боевую задачу. Бабенко в роте уважали все: и новички, и опытные танкисты.

Старшина Логунов учил наводчиков своему: как правильно делать упреждение, как разгадать, какой маневр фашист собирается совершить и какие есть признаки того, двинется вражеский танк вперед или назад. А заодно показывал самые уязвимые места немецких танков, чешских, которых тоже немало было у врага.

Учеба шла своим ходом, техническая подготовка заканчивалась. Каждый танкист чувствовал, что скоро корпус бросят в бой, хотя командиры ничего о ближайших планах не говорили. Таковы правила войны — секретность

мера необходимая, а нередко и немаловажный залог успеха. Окружена, зажата плотным кольцом 6-я немецкая армия в Сталинграде. Отбиваются попытки фашистов пробиться, прорвать кольцо и снаружи, и изнутри. Красная Армия сражается с полным напряжением сил, понимая важность разгрома немецких войск на Волге. Значит, понимал Соколов, надо ждать крупного немецкого наступления, значит, надо ждать и наступления Советских войск. В сложившейся ситуации никто не должен стоять на месте — это приведет к катастрофе, к поражению.

«Все, отдых закончился», — думал Алексей, возвращаясь с командного пункта батальона. И несмотря на то что майор Топилин собирал командиров рот для постановки боевой задачи, привычного боевого возбуждения Соколов не испытывал. Он вышел под звездное морозное небо, скрипя сапогами по снегу, остановился и, натягивая перчатки, стал смотреть на звезды. В морозную ночь звезды светят очень ярко, будто даже покалывают, как маленькие льдинки. Вот и началась вторая военная зима. Несмотря на крупные победы Красной Армии в отдельных операциях, все

равно приходилось отступать. Это были победы в оборонительных боях: под Москвой, теперь здесь, в Сталинграде. «Медленно, но мы фашистов все равно останавливаем, — думал Алексей. — Народ сражается как зверь, цепляясь за каждую пядь земли. И скоро мы перестанем отступать, перестанем бить ненавистного врага в оборонительных боях. Теперь все».

Лейтенант глубоко вдохнул и с шумом выдохнул морозный воздух. Клубами изо рта повалил пар. Надо идти в свое подразделение и сообщать о принятом командованием решении. «Хорошо, что моя рота полностью готова к бою, — с удовольствием подумал Соколов. — Я же чувствовал, что скоро в бой. Машины в порядке, люди подготовлены. Даже успели все танки выкрасить в белый цвет». Соколов вспомнил про свой командирский танк, про свою «семерку». Логунов вместе с заряжающим Колей Бочкиным раздобыли красной краски и старательно вывели на борту танка его имя «Зверобой».

Вроде бы недавно это было, а кажется, что уже давно. На войне день за три, порой день за год. И там, под Воронежем, когда они по-

лучили в подарок новенький танк от женщин сибирского завода, на котором работала мама Коли Бочкина, и возникла идея дать ему имя. Такое, чтобы знали о нем все вокруг, знали на заводе, слышали его имя и гордились. Потому что дорого оружие, которое тебе вручает командир, но во стократ дороже оружие, которое вручают матери. И уж тогда никак нельзя посрамить этого оружия, бить врага придется так, чтобы земля под ногами у него горела. А Коля Бочкин молодец, хорошо придумал. Все мальчишки зачитывались книжками про индейцев, когда Фенимора Купера только перевели на русский язык. Говорят, еще до революции гимназисты зачитывались. А теперь вот и мы. И будем бить фашистского зверя нашим «Зверобоем». «Так и надо будет с ребятами поговорить перед боем», — решил Алексей.

На востоке над лесом в морозное чистое ночное небо взлетели две красные ракеты. Соколов сразу остановился, глядя вдаль. Ракеты были «тревожные», что-то случилось. И тут ответом на его вопрос ночной воздух прорезали пулеметные очереди. Одна, вторая, а потом длинная на расплав ствола. Так

бьют из пулемета в критических ситуациях, не экономя патроны, чтобы остановить врага, залить ему дорогу свинцом. «Черт, там ведь мои ребята!» — Соколов бросился к крайним домам, где была расквартирована его рота, сетуя на то, что комбат приказал ему самому поселиться в доме, ближе к штабу батальона.

Впереди взревел танковый двигатель. Каким-то чутьем Алексей догадался, что это была его «семерка». То и дело проваливаясь валенками в глубокий снег и соскальзывая с утоптанной тропы, он все же успел добежать до своих и увидеть, как, взметая снежную пыль, от бревенчатой хаты отъехал танк с надписью «Зверобой» на борту. Из домов выбегали танкисты, появились красноармейцы из стрелкового полка в полушубках и с винтовками. У крайнего дома какой-то танкист в ребристом шлеме и фуфайке пытался завести трофейный мотоцикл. Омаев? Мотоцикл наконец завелся. Развернувшись на месте, чуть не перевернув машину коляской вверх, молодой чеченец понесся по дороге в заснеженное поле.

— Занять позицию! — кричал знакомый старший лейтенант, командуя своими пехо-

тинцами. — Пулеметы на фланги. С гранатами — ближе к дороге, засесть в щелях!

— Что случилось, Говоров? — Алексей подбежал к старшему лейтенанту и упал рядом в снег возле крайнего сарая.

— А, ты здесь? Хорошо! — кивнул командир, узнав танкиста. — Немцы прорвались. То ли из окружения кто-то вырвался, то ли к ним пробиться пытался, а теперь назад пошел. Неясно. Сообщение получили с поста регулировщиц. Несколько крытых грузовиков прошли. Регулировщица пыталась их остановить, свернуть колонну. Ее сбили. Подоспела санитарная машина, которая шла в госпиталь. Девушка успела сказать, что это немцы и умерла. Сколько машин, никто не видел. По радиации передали сообщение тревоги и выпустили ракеты. Вот и все! А теперь, видишь, через нашу станицу решили прорваться!

Старший лейтенант кивнул на дорогу, со стороны которой слышалась стрельба. Отчетливо слышны были короткие расчетливые очереди ППШ и длинные очереди немецких «шмайсеров». Звонко ударила пушка «тридцатьчетверки». В свете вспышки Алексей уви-

дел белый силуэт «Зверобоя» за занесенными снегом скирдами. Взрыв осколочно-фугасного снаряда осветил часть дороги. Грузовую машину перевернуло, свалив на обочину, и она тут же загорелась. Теперь стало видно, что там, на дороге, стоят еще три грузовика и от них во все стороны разбегаются солдаты в белых куртках немецких горных егерей.

И тут заработал станковый пулемет. Алексей остановил пробежавшего мимо танкиста из второго взвода и передал приказ поднимать роту по тревоге и заводить моторы. Взяв бинокль у старшего лейтенанта, Соколов стал разглядывать поле впереди. Так и есть, вон мотоцикл, вон несколько окопчиков и блиндаж боевого охранения у дороги. Значит, там бойцы увидели ракеты и попытались остановить машины. И попали под огонь гитлеровцев. Видимо, у них убили пулеметчика. А теперь подоспел Омаев. И Логунов молодец: не стал дожидаться приказа, а вывел «Зверобоя» вперед. Темнота, танк выкрашен в белый цвет, занесенные снегом копны. Он там маневрировать может долго, даже если у немцев кроме грузовиков оказались бы еще и танки.

Когда через тридцать минут на окраину

станции прибыл командир 54-й танковой бригады полковник Поляков, немцы уже сдавались. Выдвинув один взвод с десантом на броне на помощь Логунову, Соколов перекрыл дорогу, не дав возможности немцам снова уйти в ночь на машинах. А прямо от окраины станции на немцев пошла стрелковая рота под прикрытием второго танкового взвода. Третий взвод лейтенант оставил в резерве. Неизвестно, сколько еще немцев провалилось в наш тыл и каковы их замыслы.

Командир бригады подождал, пока Соколов отсоединит от своего шлема кабель ТПУ и спрыгнет с брони танка на снег.

— Ты командовал? — не дожидаясь доклада, спросил полковник. — Какие потери?

— Двое убитых и трое раненных в боевом охранении, товарищ полковник, — козырнув, ответил Алексей. — Потом немцы просто сдались. Боялись, что мы их по снегу гусеницами раскатаем.

— Садись в машину, лейтенант, — кивнул полковник. — Доложишь лично командиру корпуса об этом бое. И где это Баданов таких командиров себе набирает? Мне бы кто это место подсказал.

— Дежурный, командиров взводов ко мне! — приказал Соколов, входя в бревенчатый деревенский дом, в котором жил со своим экипажем и куда был протянут полевой телефон из штаба батальона. — И замполита¹!

— А я уже здесь! — раздался голос лейтенанта Краснощекова.

Алексей с неудовольствием бросил взгляд на замполита, который по-хозяйски расположился за круглым столом в горнице. Михаил Краснощеков был неплохим парнем, но «политрук» в нем сидел глубоко и крепко. Многие политруки за эти полтора года войны правильно стали оценивать свое положение и свою роль в армии, на фронтах Отечественной войны. Не то уже было время, не Гражданская война, когда в Красной Армии служило много военспецов — бывших царских офицеров. Да, тогда была необходимость доверять, но проверять, нужно было надзирать за командирами из чуждых солдатам

¹ С октября 1942 года в Красной Армии должности политруков и их надзорные за командирами функции были упразднены. В подразделениях и частях их заменили заместители командиров по политической части.

слоев общества. Но сейчас, когда Советская страна вырастила, воспитала и обучила много командиров, проверила их в горниле боев в Испании, на Халхин-Голе, в районе озера Хасан, необходимость в этом отпала. Да и в войне с белофиннами многие командиры тоже прошли закалку. Теперь в войсках нужны замполиты, люди, которые умеют найти подход к сердцу солдата, открыть ему глаза на политические события в мире и в нашей стране, научить правильно оценивать ситуацию. И самое главное, вести за собой не только командирским словом, но сердцем большевиков в бой.

Но Краснощеков почему-то все время пытался уличить ротного командира в политической безграмотности, в неправильной трактовке политики партии. Самое неприятное, что замполит часто делал это при командирах других рот и даже при подчиненных. Соколов злился, но терпел, считая, что все это временно. Вот вступит корпус снова в бой, и будет не до этого. Там будет видно, кто чего стоит. А Краснощеков прибыл в батальон всего три месяца назад и вместе с танкистами еще в бою не бывал.

Взводные командиры пришли быстро. Каждый из них знал, что Соколов отправился к командиру батальона, все ждали приказа о наступлении. В сенях стало сразу шумно, командиры топали ногами, сбивая снег с валенок, отряхивали полушубки и шапки. Алексей смотрел на своих подчиненных со смешанным чувством. За эти месяцы он успел привыкнуть ко всем своим взводным. Он ждал наступления, рвался в бой и в то же время понимал, что может скоро потерять кого-то из своих танкистов, потому что войны без жертв не бывает.

Вот они: веселые, уверенные в себе, знающие и опытные командиры. Лейтенант Павел Сайдаков — командир второго взвода. Воюет с начала войны, был командиром танка. Летом окончил курсы и получил звание младшего лейтенанта. Уже здесь, в Сталинграде, получил лейтенанта. Невысокий, черноволосый, с опаленными бровями, он был выходцем с берегов Азовского моря, из семьи рыбака. А сейчас технически грамотный командир, превосходно освоивший тактику танкового боя.

А вот белобрысый волжанин Ленька Букин. Смешливый светлоглазый балагур. Недавно прибыл из танковой школы с одним кубиком младшего лейтенанта. А до этого воевал почти год. Успел побывать и сапером, и пехотинцем. Теперь судьба забросила его к танкистам, и это уже до конца войны. Соколов знал приказ: всех командиров и красноармейцев из бронетанковых войск после госпиталей и при реформировании частей обязательно направлять только в танковые части и подразделения. Для танкистов даже ввели особый учет.

Третьим вошел уральский тракторист, плечистый коротконогий старшина Мефодий Плужин. Спокойный, хладнокровный, с руками, в кожу которых глубоко ввелись моторное масло и соляр. Почти все танкисты в его взводе прошли со старшиной путь от Харькова. Горели, лежали в госпиталях, но успевали вернуться в свое подразделение, пока оно не отходило дальше на восток. Многие долечивались в санбатах, ходили на перевязки и слушали ворчание молоденьких сестричек.

— Прошу садиться. — Соколов вышел на середину горницы, расправив привычно складки гимнастерки под ремнем.

Его командиры уселись за стол, зашеле-стели картами, доставая их из командирских планшетов. Сайдаков с Букиным многозначительно и весело переглядывались. Плужин, наоборот, сосредоточенно доставал свою карту, бережно разглаживая ее на столе темной ладонью. Похвалив командиров за слаженные действия во время ночного боя и передав благодарность командиру корпуса, Алексей стал задавать обычные вопросы о состоянии матчасти, готовности к маршу и бою, здоровье личного состава. Потом он перешел к главному.

— Завтра батальон выдвигается на передовую для выполнения боевой задачи...

— Наконец-то, — раздалось за столом. — А то уже гусеницы ржаветь начали.

— Отставить, товарищи командиры! — вдруг подал голос замполит. — Вам командир ставит боевую задачу, а у вас шуточки! В бою тоже шутить будем?

— В бою мы будем сражаться так, как сражались до этого не один месяц, — ответил

за всех сразу помрачневший Сайдаков. — Не щадя себя и уничтожая фашиста!

— А кто здесь командир? — строго, но чуть шутливо остановил спор Соколов. — Эмоции хороши на отдыхе, а когда дело касается боя и марша, то каждый танкист должен быть сосредоточен и серьезен. Техника веселья не любит! Прошу не перебивать, товарищи командиры.

Алексей постарался говорить так, чтобы его слова принял на свой счет и замполит. Хотя, честно говоря, он прекрасно понимал своих взводных командиров. Лейтенант и сам испытывал азартное возбуждение, душевный подъем из-за предстоящего боя. И этот бой он в голове уже представлял, уже прикидывал действия своих экипажей. Но выражать эмоции было и впрямь не время. И Алексей старался говорить короткими понятными фразами, вглядываясь в лица командиров, стараясь понять, доходит до них важная информация, ясен ли его замысел и замысел командования.

— Этот прорыв будет разведкой боем, товарищи! В ночь с восемнадцатого на девятнадцатое декабря мы скрытно выходим на Островской плацдарм, откуда и развернет-

ся основное направление прорыва корпуса. Таких прорывов будет несколько, и их цель, во-первых, уточнить глубину эшелонированной обороны врага, ее систему и расположение огневых точек и позиций. Во-вторых, прорыв корпуса будет иметь и дезориентирующую цель. Фашисты не должны знать, где готовится основной удар, а мы должны понять, откуда они собираются нанести удар своего бронированного кулака для деблокирования армии Паулюса в Сталинграде. Теперь внимание на ваши карты, товарищи.

Командиры, не делая пока пометок, стали водить карандашами по картам, выискивая населенные пункты и оценивая направление удара корпуса. Соколов посмотрел на свою карту и снова поднял глаза на командиров.

— По команде командира батальона рота разворачивается общим направлением на станицу Заозерную. Место и время смены направления атаки будет выбрано по обстоятельствам, исходя из реального положения корпуса и хода операции. Задача роты с ходу захватить станицу Заозерную, занять оборону и обеспечить прикрытие фланга наших частей. Станицу держать до приказа коман-

дования. В случае чего, помощи ждать неоткуда, рассчитывать придется только на себя. Надеюсь, все это понимают?

— А мне бы еще хотелось напомнить товарищам командирам о приказе товарища Сталина, — вдруг сказал Краснощеков. Замполит поднялся и вышел вперед, остановившись рядом с Алексеем и глядя на сидевших за столом взводных командиров. — Об историческом приказе номер двести двадцать семь! Каждый боец, каждый командир должен помнить сам и не давать забывать своему товарищу, что это приказ товарища Сталина: «Ни шагу назад»!

Замполит продолжал говорить, на каждое свое слово он отмахивал рукой так, будто гвозди вколачивал. Лица танкистов стали хмурыми, у Сайдакова заиграли желваки на скулах. А Краснощеков все вещал о дисциплине, о трусах, из-за которых Красная Армия докатилась до Волги. Алексей хотел было прервать своего замполита, ведь в его роте трусов не было. Все танкисты дрались насмерть, не щадя своей жизни. И то, что говорил Краснощеков, звучало как унижительное оскорбление. Но и оборвать своего заместителя по политической части Соколов не мог. Красноще-

ков не скрывал того, что считает командира роты недостаточно политически грамотным, допускающим ошибочные высказывания. Возможно, где-то в недрах политического отдела корпуса лежали его рапорты на своего командира.

Нельзя было идти напролом, в этом вопросе нужна была гибкость, и это Алексей понимал хорошо. Понимал он и то, что лейтенант Краснощеков не был карьеристом, не выслуживался перед своим начальством. Он был горячо убежден в том, что говорил. Замполит верил, что его работа, именно вот такая, важна для армии, важна для победы.

— Каждый из нас, — Соколов резко прервал речь замполита, — знает об озабоченности товарища Сталина, знает, сколько сил он тратит во имя победы. Его гением, его волей страна победит! И мы все, как один, будем сражаться за товарища Сталина, за свою Родину, за свой народ и не отступим ни на шаг. Умрем, но не отступим! Верно товарищи?

— Верно, — облегченно закивали головами взводные. — Мы еще погоним фашиста, так погоним, что только пятки засверкают!

— А сейчас, товарищи, прошу всех по

своим взводам. — Соколов поднял руку и посмотрел на наручные часы. — Завтра в десять ноль-ноль прошу доложить полную готовность к бою. С этой минуты требую срочных докладов, если что-то будет мешать полной готовности. Чем раньше доложите, тем быстрее решим проблему.

Командиры, заправляя на ходу карты в планшеты, двинулись к выходу, где у двери на гвоздях висели их полушубки. Переговаривались вполголоса, в основном радуясь тому, что снова в бой, что наконец Красная Армия сдвинется с места. Замполит подошел к Соколову и оперся кулаками о стол, заглядывая Алексею в глаза.

— Зря ты не дал мне договорить, командир! — сказал он с упреком. — Танкистам перед боем, перед серьезным рейдом нужно сильное слово. Нужно поднимать энтузиазм личного состава и командиров. Их нужно вести в бой не просто на врага, а еще и под знаменем светлого будущего, которое мы несем всему миру. Ты это понимаешь?

— Конечно, Михаил! — заверил Соколов. — Я просто решил, что ты уже закончил говорить, и решил поддержать тебя словом

командира. Говорил ты хорошо, правильно. Ты сейчас пойдешь по взводам, поговоришь с коммунистами?

Это был хитрый ход. Алексею хотелось отправить замполита заниматься его делами, а самому остаться одному, подумать о предстоящем рейде. А потом еще нужно сходить к своему экипажу и отдать письма. В штабе батальона почтальон передал письма Бочкину и Омаеву. Ребятам надо прочитать, что пишут родные, успеть ответить до того, как они пойдут в бой.

— Да, я попозже отправлюсь по экипажам, — одобрительно кивнул замполит. — А сейчас я хотел бы тебе представить военкора из «Сталинградской правды». Он прибыл только сегодня, но без тебя я его никуда не пускал. Сидел в столовой, очерк писал.

— Военкор? — Алексей пожал плечами. — Ну, зови своего журналиста. И скажи там дежурному, чтобы чаю нам принес, что ли! Гость все-таки.

Соколов углубился в изучение карты предстоящих боевых действий. После совещания он хорошо представлял, как планировалось провести этот рейд. Но еще лучше лейтенант

знал, что планы часто нарушаются из-за факторов, которые до последнего останутся неизвестными. Особенно это касается таких операций, как «разведка боем». Когда нет данных о силах противника в полосе предстоящего наступления, когда есть угроза наступления врага на твоем участке и надо ввести фашистов в заблуждение относительно планов командования Красной Армии, тогда и применяется этот способ разведки. Враг проявит себя полностью, раскроет свои возможности и силы тем ярче и полнее, чем сильнее и правдоподобнее будет наноситься удар. И сейчас будет задействован весь корпус.

Алексей был переведен в 24-й танковый корпус сразу после боев за Воронеж. Он знал, что генерал Баданов принял войска в апреле после тяжелых боев под Харьковом, когда корпус потерял две трети личного состава и техники. Части вывели на переформирование. И сейчас корпус находился в составе резерва Верховного Главнокомандующего. У Баданова были три танковые бригады: 4-я гвардейская танковая, 54-я танковая, 130-я танковая, а также 24-я мотострелковая бригада, 658-й зенитно-артиллерийский полк и 413-й

отдельный гвардейский минометный дивизион. Рейд задумывался сложным по своим задачам и глубине проникновения на территорию, занятую фашистами. На сегодняшний день, как было известно Соколову, в корпусе укомплектованность танками составляла 90%, личным составом — 70%, автотранспортом — 50%. Всего в его составе насчитывалось более 91 танка Т-34 и Т-70.

Изучая топографическую карту, Алексей прикидывал, где будет удобнее развернуть танки своей роты на юг и атаковать Заозерную так, чтобы для врага это было полной неожиданностью. Будет с ним стрелковое подразделение или придется брать Заозерную только танками? Скорее всего, будет десант на броне, потому что автотранспорта маловато в корпусе, и пополнить нехватку уже не успеют. Да и за время рейда в первые дни техника уже понесет потери. Значит, можно не вламываться в станицу броней. Подавить огневые точки, дать возможность пехоте войти за первые дома и закрепиться там. Охватить станицу с двух сторон, выявить узлы обороны, а потом совместными усилиями с пехотой разгромить врага.

— Разрешите, товарищ командир? — раздался за спиной мягкий и какой-то совсем невоенный мужской баритон.

Соколов повернул голову. У двери стоял высокий молодой мужчина в военной шинели с одиноким кубиком младшего лейтенанта на петлице. Гость был весь какой-то нескладный: и шинель на нем топорщилась, как на новобранце, и шапка была натянута глубоко на уши. Да и стоял младший лейтенант сутулясь, опустив плечи и чуть наклонив голову, будто с интересом к чему-то прислушивался. Неловко поднеся пальцы к ушанке, гость представился:

— Младший лейтенант Ванюшкин. Военный корреспондент газеты «Сталинградская правда». Прибыл в ваш корпус для написания очерка о танкистах. В политотделе меня направили в том числе и в вашу роту. Мне бы хотелось написать про ваш танк «Зверобой». А заодно и про сегодняшний бой.

— Проходите. — Соколов подошел к корреспонденту и пожал его неожиданно твердую сильную руку. — Сколько вы всего перечислили. Боюсь, вам целый цикл очерков придется писать. Рота новая, я ее получил недавно

и в боях, кроме сегодняшнего ночного, с ней еще не участвовал. Так что писать о боевом пути подразделения нечего.

— А танк? Ваш «Зверобой»? Я про него уже столько наслушался, но мне хотелось бы и с вами и с экипажем танка познакомиться, побеседовать. Это же такая история, что сразу за душу берет. И мне хочется, чтобы читателей тоже за душу... и гражданское население, и бойцов.

— Тут вы правы, — улыбнулся Алексей. — О таком стоит написать, и я горд, что именно в моей роте этот танк, что именно с его экипажем я воюю почти с самого начала войны. Об этом должны знать советские люди, что весь народ кует победу. Что не только на фронте, но и в тылу. Что матери дарят сыновьям боевую технику, дают в руки оружие, которым они будут бить врага.

— Расскажите про танк, который мать подарила вашему танкисту?

— Конечно! Да вы раздевайтесь, и давайте знакомиться. Меня зовут Алексей. — Соколов снова протянул руку.

— Ванюшкин, Олег! — корреспондент снова пожал руку танкисту и принялся рассте-

гивать шинель. — Я, знаете, не сразу на фронт попал. Меня признали негодным для строевой службы. В детстве у меня был перелом ноги, срослось неправильно, и одна нога немного короче. Говорят, если было бы хоть техническое образование, можно решить. Куда-то во вспомогательные войска, службы. А я историк по образованию, чем могу помочь армии? А потом политрук знакомый подсказал, куда пойти. Он знал, что у меня получается писать на исторические темы, и рассказывать умею. Я даже начал писать исторический роман. Он и говорит, мол, у тебя «язык подвешен», иди в военкоры. Вот так и получилось, взяли меня и даже звание присвоили. Я младшим политруком был, а теперь, когда политруков упразднили, стал общевойсковым младшим лейтенантом. Вот так!

В избу с шумом ввалились двое солдат из комендантского взвода. С ними вернулся и Краснощеков. Поздоровавшись с корреспондентом, замполит принялся рассуждать о пользе пропаганды в действующей армии, а заодно и руководить солдатами, которые принесли вскипевший чайник и стали разжигать печь, чтобы можно было его подогреть.

Да и в избе было, честно говоря, уже холодно. Соколов поморщился. Душевного разговора не получится, если в беседе будет участвовать и замполит. Ванюшкин Алексею понравился. Было в нем что-то искреннее и простое, что сразу располагало к нему собеседника.

Они сидели за столом, за чаем, и теперь уже корреспондент, выслушав историю танкистов, принялся рассказывать, что ему довелось увидеть и пережить в Сталинграде. Он там был почти непрерывно с августа и видел очень многое.

— Знаете, — глаза Ванюшкина сделались темными, а голос хриплым и напряженным, — видеть гибель наших солдат было не самым страшным. Мы с вами надели военную форму и пошли воевать. И каждый из нас готов умереть в бою за Родину. Я видел много героических смертей. Таких, что слезы злости душили, а в груди поднималась волна гордости за наш народ, который родил таких богатырей. Самое страшное сделали фашисты с мирным населением. Я так понял, что слишком поздно стали эвакуировать жителей, детей. Много горожан было задействовано на строительстве оборо-

нительных сооружений. А потом в считанные дни немецкая авиация разрушила город. Бомбежками они уничтожили сразу больше половины жилого фонда довоенного Сталинграда. Весь центр города превратился в громадную территорию, покрытую горящими руинами. Эти варвары после фугасных бомб сбросили зажигательные. Загорелась сразу очень большая территория строений. Мне потом один инженер рассказывал, когда я по передовой с бойцами ползал на животе. Он показывал железные конструкции, камень оплавленный. Этот эффект называется «огненный вихрь». Из-за того что горело сразу все, температура была очень высокой, и огонь распространялся молниеносно, как шквал! Центральная часть города мгновенно была выжжена дотла. Вместе с жителями. Пожар очень быстро перекинулся на остальные районы Сталинграда, ведь большинство зданий в городе были построены из дерева или имели деревянные элементы. Этот инженер мне рассказал, что температура во многих частях города, особенно в его центре, доходила до тысячи градусов. Мы находили тела, которые от прикосновения рассыпались в черный прах.

Соколов сидел, сжимая в руках металлическую кружку, и чувствовал, как внутри у него все наполняется гневом. Хотелось прямо сейчас подняться и отдать приказ «по машинам». И пойти в атаку, убивать, убивать и убивать этих нелюдей, которые пришли на его землю и не щадят никого. Много страшного он видел на войне, но что рассказал корреспондент, было ужаснее всего. Ужасно, когда гибнут женщины, дети, старики.

Краснощеков в своей обычной манере начал говорить высокопарными фразами, размахивать рукой, приводя примеры героических подвигов советских воинов. «Зачем он все это говорит здесь, нам? — думал Алексей. — Мы не новобранцы, мы хлебнули этой войны по самые ноздри. И будем сражаться так, как сражались наши солдаты в Сталинграде». Он читал газеты, «боевые листки», знал о подвигах. Один подвиг сержанта Павлова с его товарищами чего стоил. 58 дней фашисты не могли их выбить из одного-единственного дома. Почти два месяца! «Нет, мы теперь пойдем на запад, и нас врагу не остановить!»

Комната в здании райисполкома освещалась несколькими керосиновыми лампами. Это был временный командный пункт, который подготовили для совещания в полуразрушенном здании. Когда Баданов вошел, то увидел склонившихся над картой командующего Юго-Западным фронтом генерала Ватутина и представителя ГКО Василевского. «Значит, в бой, — подумал Василий Михайлович. — Когда вызывают командующие такого ранга, это всегда к приказу о наступлении». Вскинув руку к шапке, Баданов доложил о прибытии Василевскому, как старшему по должности.

Ватутин смотрел на Баданова своим обычным прищуром, будто оценивал его коренастую фигуру. Не зря Николая Федоровича еще в училище курсанты прозвали «психологом», а потом, намного позже, уже немецкие генералы нарекли его «гроссмейстером».

— Ну как, Василий Михайлович, — спросил Василевский, постукивая карандашом по карте. — Готов воевать твой корпус? И не просто воевать, а крушить врага так, чтобы клочки летели?

— Так точно, товарищ генерал-полковник, — кивнул Баданов и уверенно заявил: — Полетят!

— Ну, тогда давай, Николай Федорович, — велел Василевский Ватутину, — ставь задачу корпусу.

Баданов подошел к карте. Ватутин еще раз глянул на него с прищуром и стал говорить и показывать кончиком карандаша на карте.

— Смотри, генерал! Операция «Уран» предполагала окружение и расчленение сил шестой немецкой армии в Сталинграде. По нашему замыслу, после ее разгрома войска, которые были задействованы в операции «Уран», должны развернуться на запад и включиться в операцию «Сатурн». Общее направление наступления предполагалось на Ростов-на-Дону. Одновременно с этим южное крыло Воронежского фронта должно нанести удар по восьмой итальянской армии к северу от Сталинграда и наступать двумя направлениями: река Донец и Ростов-на-Дону. Тем самым мы прикрываем северный фланг Юго-Западного фронта в период наступления. Понял стратегию?

— Понял, Николай Федорович, — кивнул

Баданов. — Только я понимаю так, что будут изменения. Ведь нам не удалось расчлнить армию Паулюса.

— Вот именно! — резко бросил Ватутин. — Поэтому, в связи с неполной реализацией «Урана», операция «Сатурн» будет заменена на «Малый Сатурн». Воронежский фронт вместе с Юго-Западным и частью сил Сталинградского фронта концентрированными ударами должны отбросить противника на сто — сто пятьдесят километров на запад от окруженной группировки фашистов и разгромить восьмую итальянскую армию. Наступление планировалось начать еще десятого декабря, но не удалось вовремя доставить к местам дислокации новые войсковые части. Вот, Александр Михайлович сумел убедить товарища Сталина в необходимости переноса сроков. Она начинается шестнадцатого декабря.

— Между прочим, — Василевский отбросил рукой непослушный чуб, спадавший ему на глаза, — я доложил товарищу Сталину, что на начальном этапе операции «Малый Сатурн» будет задействован твой корпус. Товарищ Сталин знает о том, как твои орлы сражались под

Харьковом. Он высоко ценит тебя как командира. И лично просил передать тебе, что надеется на корпус, на твоих бойцов и командиров. Задачу предстоит выполнить непростую. Мы давно планировали использовать корпус в ключевых боях грядущего наступления. Поэтому и дали время для отдыха и пополнения.

— Смотри сюда. — Ватутин постучал карандашом по карте. — С Островского плацдарма ты наносишь удар по позициям восьмой итальянской армии и выходишь в тыл немцам. Тебе предстоит совершить рейд по тылам фашистов силами только твоего корпуса. Перед корпусом будет стоять сразу три задачи: попытаться отрезать оперативную группу немецких войск от Ростова-на-Дону, отвлечь на себя немецкие войска, которые нацелены на Сталинград, и разгромить аэродром у станции Тацинской, который используется для снабжения окруженной армии Паулюса. Истинные задачи знаешь только ты! Секретность подготовки и способы доведения приказов до частей с максимальной секретностью, иначе вся операция теряет смысл. Просто погубим людей и технику. Начнешь, девятнадцатого, Василий Михайлович...

ГЛАВА 2

Хорошо смазанные петли на двери даже не скрипнули, когда Соколов вошел на вторую половину большой хаты, где жил экипаж «Зверобоя». Порядок чувствовался во всем: и со ступеней у входа сметен снег, и в сенях аккуратно стоит веник, лопата, а уж в комнате и вовсе не к чему было придраться. Командир танка Логунов свое дело знает, все-таки вторую войну вытягивает. Прекрасно знал сибиряк, что разгильдяйство, лень ведут к падению дисциплины, а в бою — к неминуемой гибели. Только беспрекословное повиновение командиру, четкое выполнение каждого приказа. И не важно, чего касается приказ: своевременной чистки личного оружия, свежего подворотничка на гимнастерке или атаки врага в боевой обстановке.

Соколов поразился тишине, которая стояла у танкистов. За большим дощатым столом у окна сидел Бабенко, читая засаленный формуляр с какими-то схемами и чертежами. Рядом с ним расположился Омаев с разобранным пистолетом ТТ, а у печки обнаружился гость — корреспондент Ванюшкин. Младший